

Первая книга критика, притом не монография, а сборник статей, написанных в разные годы и о разном... Книга, позволяющая судить об авторе не по одной статье (случайно неудачной или, наоборот, случайно удачной), а по лучшим, отобраным им самим...

Отступая в какой-то мере от правил сложившегося жанра «рецензии», сразу скажу, что прямолинейная характеристика: «книга удалась» или «книга не получилась», — в данном случае не годится. И «книга в основном удалась» и «книга, в общем, не получилась» — тоже не подходит: слишком уж тесно переплелись в ней достоинства и недостатки.

Пять статей, составляющих сборник, прежде всего свидетельствуют о широте интересов автора. «Теркин на том свете» А. Твардовского, «Хулио Хуренито» И. Эренбурга, вопрос о влиянии М. Горького и В. Маяковского на казахскую литературу, проблемы перевода с казахского на русский и, наконец, вопросы теории перевода в критике революционных демократов — состав довольно пестрый! Ну что ж, это, в конце концов, законное право автора, к тому же все пять статей формально связаны еще и общим интересом к проблемам мастерства.

Статья о поэме Твардовского — нечто среднее между критическим эссе и комментарием к поэме. Но стремление на нескольких страницах сказать и об отличии замысла «Теркина на том свете» от замысла «Василия Теркина», и о следовании

Твардовского в новой поэме традициям русской классической и мировой литературы, — а здесь упоминается и Грибоедов, и Щедрин, и Свифт, и Достоевский (!), — и, естественно, о самой поэме приводит к тому, что и о первом, и о втором, и о третьем говорится скороговоркой. К тому же анализ поэмы сведен к пересказу фабулы и довольно поверхностному комментированию текста. И даже заявление «под занавес» о близости Твардовского Маяковскому не углубляет нашего представления о Твардовском. Тем более что и самое-то сравнение этого основано не на жанровой близости, а исключительно на обращении поэтов к теме жизни и смерти.

Статья «От фактов — к обобщению», давшая название всему сборнику, была впервые опубликована в 1960 году. Речь в ней идет о работах, часть из которых позже была переиздана. Стоило ли еще раз ворошить старое? Стоило, утверждает автор, ибо «дело... не только в отдельных формулировках, а в методологии исследования». Но подробного разговора именно о методологии читатель будет ждать напрасно. Статья в основном сводится либо к демонстрации нечетких формулировок, либо к общеизвестным положениям о вреде абсолютизации традиций Горького и Маяковского, или о вреде обезличенного подхода к казахским писателям и насильственной подгонки творчества всех их под готовую схему.

Самой серьезной работой представляется мне статья, посвященная проблемам мастерства И. Эренбурга в «Хулио Хуренито», хотя и здесь

* Ефим Ландау, От фактов — к обобщению. Статьи о литературе, «Жазушы», Алма-Ата, 1966, 144 стр.

есть положения, с которыми трудно согласиться.

Сатирический прием нарочитого утрирования отрицательного,— чтобы довести до абсурда, чем и достигается безоговорочное его отрицание,— рассматривается критиком подробно и на широком материале. Но утрирование не единственный прием Эренбурга-сатирика. Нередко писатель прибегает и к прямой инвективе. И об этом Е. Ландау тоже говорит достаточно определенно. Несколько слабее разделы, посвященные характеру сатирической типизации у Эренбурга и жанровым особенностям романа. В статье есть и верные наблюдения, и отдельные меткие замечания (о роли портретной детали у Эренбурга, о важности первой реплики персонажа, о связи поэтики автора «Хулио Хуренито» с поэтикой кино тех лет). Нет лишь целостного взгляда на описываемое, отдельные наблюдения повисают в воздухе, и в итоге оказывается, что они служат все той же цели — показать, что «основой стиля романа «Хулио Хуренито» является сочетание иронической «похвалы глупости» с прямым и откровенным осуждением этой глупости». Так схема (пусть даже верная схема), выдвинутая в самом начале статьи, продолжает довлеть над автором и в дальнейшем.

Но это еще полбеда. А вот с вопросом о жанровой природе романа дело обстоит явно неблагоприятно. Оказывается, «Хулио Хуренито» можно сблизить с авантюрно-сатирическим романом, можно назвать сатирическим обозрением (и даже сблизить с цирковым и эстрадным обозрением!), наконец, роман близок к жанру фельетона... Значит, некая синтетическая форма? Что ж, возможно, но утверждение это нуждается в аргументированных, опирающихся на конкретный материал доказательствах.

Две последние статьи, посвященные проблемам перевода, интересны прежде всего опять-таки конкретными наблюдениями. Автору довольно убедительно удалось показать, что ни буквальное следование тексту, ни субъективизм в подходе к нему сами по себе отнюдь не гарантируют переводчику успеха. И хотя мысль явно не новая, подтверждение ее на материале творчества четырех поэтов представляется интересным и в какой-то мере даже поучительным.

Характеризуя работу в целом, можно сказать одно: в ней немало любопытных наблюдений и в этом смысле она принесет читателю несомненную пользу, и все-таки иллюстративность ее и известный схематизм серьезно снижают достоинства этой первой книги критика.

А. СТАРКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Ингуши и чеченцы, как и многие народы России, до Октябрьской

* В. Б. Корзун, Советская чечено-ингушская литература. Библиография, Чечено-Ингушское книжное изд-во, Грозный, 1966, 242 стр.

революции не имели своей письменной литературы. Создание в 20-х годах национальной письменности у младописьменных народов на латинской основе явилось, по выраже-